

Ван Чэн смотрел на человека, который стремительно собирал чемодан.

— Как ты собираешься возвращаться так поздно?

Линь Цюнь поднял на него глаза.

!!!

Ван Чэн поспешно отвёл взгляд, избегая зрительного контакта.

— Я точно не поеду провожать тебя к этому старому извращенцу.

Линь Цюнь поправил его.

— Это мой малыш, ясно?

От этого приторного обращения у Ван Чэна затрещала голова.

— Всё равно он старик! Ты молодой, видный, мог бы найти кого угодно. Лучше бы подцепил какого-нибудь бездельника-мажора из университета, чем этого одержимого контролёра-извращенца! Хоть это была бы нормальная любовь!

Услышав это, Линь Цюнь покачал головой.

— Ты ещё слишком молод.

Ван Чэн, который был всего на год младше Линь Цюня, фыркнул:

— Старше меня ненамного, а рассуждаешь, будто истину в последней инстанции глаголешь.

— Ты смотришь на меня свысока.

Ван Чэн сохранял каменное выражение лица.

— Вовсе нет.

Линь Цюнь:

— Я знаю очень много правильных истин.

— Например?

— Чем растить из мальчика мужчину, лучше изливать душу старцу.

«.....»

Великолепно.

Ван Чэну так и хотелось разломить эту маленькую головку Линь Цюня и посмотреть, о чём он там думает.

— Неужели деньги так важны? Тебе разве хорошо и радостно с тем старым извращенцем? Разве можно это купить за деньги?

Линь Цюн серьёзно задумался.

— Не знаю, можно ли купить радость за деньги.

Ван Чэн облегчённо вздохнул.

— Ну вот, именно.

Линь Цюн:

— Но разве мою радость можно продать за деньги?

«.....»

Ван Чэн так сильно сжал челюсти, что казалось, зубы вот-вот треснут.

— Собирай свои вещи. Возвращайся к своему старому извращенцу и болтай с ним сколько влезет. Моё дело сторона.

Линь Цюн снова подчеркнул:

— Малышу.

— Ладно, ладно, малышу, малышу!!!

Затем он смотрел, как Линь Цюн снова принялся за сборы, и сквозь зубы прорычал:

— Придёт день, и ты пожалеешь.

Линь Цюн складывал одежду, глядя на покрасневшее от ярости лицо собеседника.

— Ты чего злишься-то?

Ван Чэн смотрел на Линь Цюна так, будто видел перед собой непутёвого сына.

— Как я могу не злиться? Ты только посмотри на себя, как ты ослеплён деньгами.

Линь Цюн укладывал вещи в чемодан.

— А что плохого? Деньги ведь всемогущи.

Ван Чэн:

— Не верю.

— А у тебя есть деньги?

Ван Чэн прикинул, что в его кошельке лежит всего несколько сотен юаней.

— Нет.

Линь Цюн:

— Вот потому ты и не веришь.

«.....»

В детстве у Линь Цюна не было дома, и он с завистью смотрел на детей, которых родители вели в «Макдоналдс», думая: «Вот если бы у меня были деньги, я бы тоже мог туда пойти».

Повзрослев, он с трудом заработал немного денег, но его одурачили и обобрали до нитки. Укрываясь газетами под мостом, он думал: «Вот если бы у меня были деньги, как бы это было здорово».

Его система ценностей сложилась именно такой. Он любит деньги, лишь бы они были. Он не хочет больше отбирать еду у бродячих собак, не хочет снова умирать от голода.

Собрав одежду, Линь Цюн развернулся и взял ещё два крупных граната, алых, как огонь.

Ван Чэн удивлённо посмотрел:

— Тебе не тяжело тащить чемодан? Зачем тебе гранаты?

Едва Линь Цюн собрался ответить, как Ван Чэн уже подскочил:

— Опять своему малышу?!

Линь Цюн смущённо улыбнулся и кивнул:

— Эти сладкие.

Ван Чэн:

— Да этот старик чего только не ел! В прошлый раз манго приносил, и сейчас опять.

Линь Цюн:

— В прошлый раз он сказал, что эти фрукты вкусные.

Ван Чэн смотрел на Линь Цюна и впервые почувствовал, что он безнадёжен.

Собрав вещи и надев пальто, Линь Цюн, поскольку чемодан был полон, взял гранаты в руки, затем посмотрел на Ван Чэна:

— Пошли.

Ван Чэн удивился:

— Куда?

Линь Цюн без колебаний ответил:

— В Линьши.

Ван Чэн отвёл взгляд:

— Хочешь назад — возвращайся один. Я не поеду обратно болтать по душам со стариком и не продаюсь за деньги, как ты.

Линь Цюн показал ладонь:

— Пять сотен.

Ван Чэн нахмурился:

— Это ещё что такое? Смотришь на меня свысока?

Линь Цюн:

— Тысяча.

Ван Чэн глубоко вздохнул:

— Я за правами.

«.....»

Чёрт возьми, деньги действительно всемогущи.

В Линьши они вернулись уже после семи вечера. Особняк был залит светом. Линь Цюн, таща чемодан и тяжело дыша, подошёл к двери и начал набирать код на замке.

Секретарь, услышав звук ввода кода:

— Босс.

Фу Синьюнь, который как раз ужинал, отложил палочки:

— Посмотри, кто там.

Секретарь кивнул, но по пути на кухне прихватил скалку — ранее уже были случаи, когда сюда вламывались люди, которых подослал один мажор, имевший старые счеты с Фу Синьюнем.

Не успел он выйти из кухни, как послышался звук закрывающейся входной двери.

Приглушённый гул и шаги.

Секретарь затаил дыхание, и в следующее мгновение из-за угла внезапно появилась мохнатая голова.

— Привееет. Твой милашка приехал.

Однако, подняв голову, Линь Цюн увидел секретаря с занесённой скалкой.

Линь Цюн: ...

Секретарь: ...

Бум— Два граната, которые Линь Цюн держал в руках, грохнулись на пол.

Увидев, что это Линь Цюн, секретарь поспешил убрать скалку:

— Господин Линь.

Линь Цюнь застыл на месте, словно испуганная мышка, не двигаясь.

Услышав обращение секретаря, Фу Синьюнь обернулся посмотреть.

И увидел Линь Цюнь, стоящего за углом и высовывающего половину тела.

Секретарь поспешил отложить скалку в сторону:

— Господин Линь, с вами всё в порядке? Я подумал, что вломился вор, извините.

Линь Цюнь вздохнул с облегчением:

— Да? А я уж подумал... Ничего.

С этими словами он быстро поднял с пола два граната.

Фу Синьюнь, наблюдая, как к тому возвращается обычный цвет лица, сжал губы и выдавил:

— Зачем вернулся?

Линь Цюнь положил гранаты на обеденный стол:

— Соскучился и вернулся.

Даже голос звучал без привычной живости.

Фу Синьюнь взглянул на секретаря, и тот мгновенно застыл, пытаясь спрятать скалку за спиной.

— Напугал тебя?

Линь Цюнь покачал головой:

— Нет.

Затем быстро взглянул на него:

— Просто был очень удивлён.

«.....»

Фу Синьюнь кашлянул, пытаясь переключить его внимание:

— Как ты добрался?

Линь Цюнь:

— Приехал на машине.

Смотреть на такую скромность этого человека было поистине редкостным зрелищем.

Фу Синьюнь бросил секретарю взгляд, и тот, поняв, поспешил выйти со скалкой и отправиться домой.

— Разве ты не говорил, что будешь там неделю?

Линь Цюн постепенно пришёл в себя:

— Ты не рад, что я вернулся раньше?

Фу Синьюнъ:

— Рад.

Линь Цюн с упрёком:

— Тогда почему ты совсем не взволнован?

Видя, что тот снова замкнулся, Линь Цюн не стал его донимать:

— Актриса, которая играет со мной в паре, взяла отгул, вот я и вернулся.

— Потом опять уедешь?

Линь Цюн кивнул, затем пододвинул гранаты в сторону Фу Синьюня:

— Попробуй.

Фу Синьюнъ взглянул на гранаты:

— Ты привёз?

— Конечно.

С этими словами он помыл руки, разломил один гранат и протянул Фу Синьюню.

— Я впервые попробовал такие сладкие, вот и подумал привезти тебе.

Глаза юноши сияли. Он отодвинул стул и уселся рядом, время от времени подкладывая зёрнышки граната ему в руку.

Ладонь то и дело ощущала лёгкие прикосновения, словно птичка, то садящаяся на руку, то снова улетающая, не успев коснуться.

Фу Синьюнъ смотрел на крупные алые зёрна в своей руке, похожие на искры, обжигающие кожу:

— В следующий раз не нужно привозить такое.

Линь Цюн с недоумением посмотрел на него:

— Почему?

— Просто не нужно.

Линь Цюн взглянул на него и быстренько сунул ему в рот пригоршню зёрен.

— Сладкие?

Фу Синьюнъ замер, глядя на его улыбающиеся глаза:

— Сладкие.

— Тогда в следующий раз привезу еще.

Увидев, что тот ест, Линь Цюн закинул себе в рот оставшиеся зёрна и, надув щёки, промолвил:

— Я сначала наверх, ещё чемодан не разобрал.

Линь Цюн разложил вещи, помылся и рухнул на кровать в глубокий сон.

За завтраком на следующее утро Фу Синьюнь сказал:

— Сегодня вечером поедим со мной в семью Фу.

Линь Цюн удивился: отношения между Фу Синьюнем и семьёй Фу всегда были натянутыми.

— Зачем?

— Сегодня Праздник середины осени.

Линь Цюн был несколько удивлён:

— Да?

У него никогда не было особого представления о праздниках — в конце концов, раньше, отмечал он их или нет, всё равно это касалось только его одного.

— Ладно, — легко согласился Линь Цюн. — Я повезу тебя на машине.

Фу Синьюнь: ...

Вечером, когда они прибыли в дом Фу, Линь Цюн был действительно поражён — он не ожидал, что он настолько огромный.

Внутри уже собралось немало людей — это было скорее семейное собрание, чем просто семейный ужин.

Когда машина окончательно остановилась, Фу Синьюнь наконец отпустил смертельную хватку на ручке двери.

Только выйдя из машины, они услышали голос Фу Юань:

— Синьюнь, Ацюн.

За женщиной следовал Фу Цзинлинь с недовольным лицом.

Пока Фу Юань разговаривала с Фу Синьюнем, Линь Цюн помахал ей рукой:

— Племянничек.

Фу Цзинлинь откликнулся:

— Ммм?

Линь Цюнь округлил ротик буквой «О» — не ожидал, что этот вспыльчивый парнишка ответит ему. Затем, глядя на его надутые губы, спросил:

— Ты чего такой невесёлый?

Фу Цзинлинь раздражённо взъерошил волосы:

— Просто не хотел приходить. Не понимаю, что хорошего в этом месте.

Фу Цзинлинь был прямолинейным. Он вырос без отца, и хотя Фу Синьюнь был к нему строг, он всё же стал для него фигурой отца в жизни — он понимал, кто к нему хорошо относится.

После несчастного случая с Фу Синьюнем Фу Цзинлинь наконец увидел, что такое родственники — все они были просто людьми, знающими только выгоду.

Фу Синьюнь и Линь Цюнь прибыли поздно, и когда они вошли, ужин уже почти начался.

С момента появления Линь Цюня Фу Цзинхун не сводил с него глаз — он до сих пор помнил ту историю на свадьбе.

Затем он подошёл и с улыбкой сказал:

— Старший брат прибыл как раз вовремя, как раз к ужину.

— Пойдёмте, отец ждёт.

Линь Цюнь уже собрался везти Фу Синьюня, как тот сказал:

— Я сам справлюсь.

Фу Цзинхун замер, затем спросил:

— Брат, разве Сяо Цюнь не пойдёт с тобой?

Глядя на выражение его лица, Фу Цзинхун намеренно назвал Линь Цюня так фамильярно.

Фу Синьюнь сохранял невозмутимое выражение лица:

— Ему не нужно идти.

Линь Цюнь изумился: Неужели семья Фу такая старомодная?

Ему нельзя сидеть за столом.

Фу Цзинхун:

— Раз уж приехали, какой смысл не идти? Родственники ждут, чтобы поднять тост за молодожёнов.

Фу Синьюнь:

— Он за рулём.

Он взглянул на Линь Цюня:

— Тебе нельзя пить, иди к столу для детей.

«.....»

Линь Цюнь показал маленькой ручкой знак «ОК».

Придя к детскому столу, он обнаружил, что средний возраст там не превышает семи лет, и вокруг толпятся няньки. Линь Цюнь вздохнул, но затем внезапно заметил среди стайки цыплят крупную фигуру и мгновенно обрёл чувство безопасности.

Линь Цюнь прямо сказал:

— Привет, племянничек!

Фу Цзинлинь: ...

— Ты как здесь оказался?

— Я за рулём, мне нельзя пить, вот твой дядя и отправил меня сюда.

Фу Цзинлинь кивнул:

— Понятно.

В этот момент маленькая девочка с двумя пучками на голове, обхватив руками большую бутылку колы, сказала:

— Братец, пить.

И начала наливать в чашку Фу Цзинлиня.

Тот нахмурился:

— Не надо.

Его голос прозвучал слишком нетерпеливо и громко, испугав девочку так, что она едва не уронила бутылку, которую с трудом держала. Слёзы закапали в её больших глазах.

Линь Цюнь нахмурился.

Увидев выражение лица Линь Цюня, Фу Цзинлинь сказал:

— Я не буду.

Девочка надула губки, не смея пикнуть.

Линь Цюнь:

— Не можешь пить? Тогда иди к столу для собак.

Примечание автора:

Фу Цзинлинь: Вы с моим дядей одинаково бесчувственные.

<http://bllate.org/book/12640/1121125>